

О реформѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Послѣдніе годы ознаменовались рѣзко-критическимъ отношеніемъ къ установившимся понятіямъ и нормамъ жизненнаго уклада. На нашихъ глазахъ въ этой области идетъ великая безкровная революція. Сбрасываются съ своихъ пьедесталовъ мишурные боги русскаго общества. На мѣсто ихъ возводятся новыя—болѣе прочной и современной конструкціи. Могучее современное движеніе захватило и нашу духовную школу: о ней говорятъ, пишутъ; ее хотятъ реформировать на новыхъ современныхъ началахъ.

Дѣйствительно, пора. Пора оглянуться назадъ; пора безпристрастно сказать, что дала наша школа хорошаго и дурного, что нужно въ ней оставить, что откинуть, какъ вредный пережитокъ, какъ платье, обратившееся въ лохмотья. Но нужно быть безпристрастнымъ; не нужно отрывать отъ дѣйствительности, созидать то, подѣ чѣмъ еще нѣтъ реальныхъ основаній въ современной дѣйствительности. Исторія не знаетъ естественныхъ скачковъ; всѣ скачки она считаетъ авантюрами, проскользнувшими по исторической жизни совершенно безслѣдно. Историческая жизнь—безконечная цѣпь, нигдѣ не порванная, въ ней новое коренится въ старомъ и имѣетъ съ послѣднимъ неразрывную связь.

Въ своей реформѣ духовной школы намъ не нужно усиленно цѣпляться за старое; не нужно бояться новаго, но нужно сохранить благоразуміе: дать то, что дѣйствительно нужно и нужно сейчасъ, въ настоящее время, а не въ отдаленномъ будущемъ.

Это желаніе и положено нами въ основу помѣщаемыхъ ниже замѣтокъ по вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ

заведеній. Въ этихъ замѣткахъ мы попытаемся критически разсмотрѣть основныя положенія дѣйствующаго устава семинарій и училищъ и ихъ вліяніе на послѣднія, вывести изъ этого разсмотрѣнія желательныя измѣненія въ современномъ строѣ духовной школы и дать приблизительный проэктъ устава для средней духовной школы. Этотъ проэктъ дастъ возможность въ точности уяснить, чего и въ какомъ масштабѣ мы желаемъ для современной духовной школы ¹⁾).

І. Основные недостатки дѣйствующаго устава.

Общимъ голосомъ наша духовная школа признана несостоятельной. Этой несостоятельностью она обязана нѣкоторымъ характернымъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе ея нынѣ дѣйствующимъ уставомъ. Изъ этихъ принциповъ едва ли не первое мѣсто занимаетъ *недовѣріе* и, какъ естественный и необходимый плодъ его, *централизація власти*.

Весь дѣйствующій уставъ отъ начала до конца проникнутъ принципомъ недовѣрія. Во главѣ духовно-учебныхъ заведеній стоитъ Святѣйшій Синодъ и синодальный Оберъ-Прокуроръ; а такъ какъ фактически Синодъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ Оберъ-Прокурора, то, не погрѣшая, можно сказать, что послѣдній и есть дѣйствительный начальникъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній. Для завѣдыванія духовно-учебными заведеніями существуетъ духовно-учебный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, но, въ силу недовѣрія, не имѣетъ надъ ними самостоятельной власти, а есть только учрежденіе совѣщательное, постановленія котораго получаютъ силу лишь по утвержденіи Синодомъ или Оберъ-Прокуроръ ²⁾). Ближайшее завѣдываніе духовно-учебными заведеніями каждой епархіи ввѣрено епархіальному архіерею, но и ему не дана полнота власти, такъ какъ дѣятельность его регламентируется особыми указаніями отъ центрального управленія. Непосредственное завѣдываніе учебнымъ заведеніемъ возложено отчасти на начальника этого заведенія—ректора или смотрителя, отчасти на правленіе. Но ректоръ и смотритель въ своихъ дѣйствіяхъ безусловно

1) Въ своемъ изложеніи мы будемъ по возможности кратки, избѣгая всѣхъ мало существенныхъ подробностей.

2) Соб. Зак. 1876 г. № 44570. Полож. объ учеб. комитетѣ, ст. 2.

связаны волею епархіальнаго архіерея, а правленіе и de jure и de facto играетъ роль совѣщательнаго учрежденія при епархіальномъ архіерее, такъ какъ постановленія его получаютъ силу лишь по утвержденіи ихъ епархіальнымъ архіереемъ. Кромѣ того, раздѣливши непосредственное завѣдываніе учебнымъ заведеніемъ между начальникомъ и правленіемъ, уставъ внесъ въ высшей степени вредное двоевластіе и создалъ благоприятную почву для постоянной борьбы этихъ властей между собой. Правда, борьба была неравная: съ одной стороны, группа безправныхъ учителей, а съ другой — ихъ непосредственный начальникъ и дозорщикъ. Наконецъ, свое недовѣріе къ духовнымъ училищамъ уставъ простеръ дальше, поставивъ ихъ подъ ближайшій надзоръ семинарій.

Не смотря на то, что учитель имѣетъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, призванъ къ педагогической дѣятельности и ставитъ послѣднюю своей жизненной задачей, онъ по дѣйствующему уставу, совершенно лишенъ какого-либо довѣрія со стороны главнаго начальства духовно-учебныхъ заведеній. За нимъ смотрятъ и его педагогическую дѣятельность регламентируютъ: смотритель или ректоръ, какъ начальникъ школы, епархіальный архіерей, какъ „главный“ начальникъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи, духовно-учебный комитетъ, какъ начальникъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній имперіи, и, наконецъ, Святѣйшій Синодъ и Оберъ - Прокуроръ. Полнѣе провести принципъ недовѣрія, кажется, уже невозможно.

Такая опека, такое закрѣпощеніе живого педагогическаго дѣла въ высшей степени вредно повліяло на духовную школу. Поставивши дѣятельность учителя подъ надзоръ смотрителя и ректора, дѣйствующій уставъ стремился достигнуть недостижимаго. Онъ требовалъ, чтобы смотритель и ректоръ были основательно знакомы не только съ школьною педагогикой, но и съ каждымъ предметомъ, преподаваемымъ въ школѣ. Чтобы оцѣнить преподаваніе извѣстнаго предмета, сдѣлать полезныя указанія, — необходимо знать этотъ предметъ, иначе и оцѣнка, и указанія будутъ дутыми, не отвѣчающими дѣйствительности и методическимъ требованіямъ науки. Лишенные возможности имѣть такую компетенцію, ближайшіе начальники духовныхъ школъ, въ лучшемъ случаѣ, не слѣдили за преподаваніемъ, давая въ от-

четахъ ничего не объясняющіе отзывы,—въ худшемъ—вносили безпорядокъ въ учебное дѣло, вызывая учителя или на борьбу, или на безусловное подчиненіе себѣ. Последнее происходило всего чаще, потому что учитель былъ поставленъ дѣйствующимъ уставомъ въ полное распоряженіе ректора и смотрителя; послѣдніе могли карать и миловать его или непосредственно, или своими докладами по начальству. Согласно уставу (3-я глава Устава семинарій и 6-я гл. устава училища), ректоръ и смотритель были обязаны вникать въ духъ, направленіе и способы преподаванія каждаго учителя, наблюдать за успѣшнымъ прохожденіемъ учебныхъ курсовъ и личнымъ вліяніемъ направлять дѣятельность учителей къ достиженію общей цѣли. Въѣсть съ тѣмъ они могутъ дѣлать учителю внушенія и замѣчанія, доносить о неисправныхъ начальству и представлять, по своему усмотрѣнію, достойныхъ къ наградамъ. Имѣя такую власть по уставу, ректоръ и смотритель имѣютъ еще болѣшую власть по довѣрію епархіальнаго архіерея и центрального управленія. Недовѣріе къ учителю породило довѣріе къ смотрителю и ректору. Высшая власть смотритъ на послѣднихъ, какъ на естественныхъ своихъ представителей, которыхъ нужно облечь извѣстной степенью довѣрія и, какъ показала жизнь, дѣйствительно облакаетъ.

Епархіальный архіерей „главный начальникъ духовныхъ школъ своей епархіи“ (§ 14 устава семинарій и § 10 устава училищъ). Какъ таковой, онъ отнимаетъ у правленія и ту ничтожную дозу власти, какую предоставилъ ему уставъ. Всякое постановленіе правленія получаетъ силу лишь по утвержденіи его архіереемъ. Архіерей можетъ утвердить и не утвердить его. Жизнь въ достаточной степени показала, что архіерейское: „*Sic volo, Sic jubeo*“—имѣетъ здѣсь полное примѣненіе. Самое законное постановленіе правленія можетъ быть не утверждено, если архіерей пожелаетъ этого. Апеллировать къ Синоду, бороться съ архіереемъ весьма трудно: награжденіе преподавателей въ его рукахъ; самое опредѣленіе на должность и перемѣщеніе съ предмета на предметъ находятся въ большой зависимости отъ него: онъ можемъ сдѣлать учителю выговоръ, временно устранить отъ должности и ходатайствовать объ увольненіи отъ службы. А слово архіерейское, особенно если оно направлено противъ какого-

нибудь учителя,—въ центральномъ управленіи всесильно бороться съ нимъ можетъ только тотъ учитель, который имѣетъ солидную поддержку въ самомъ центральномъ управленіи.

Да архіерей и не можетъ отдаться школьному дѣлу, какъ бы онъ этого желалъ. У него—консисторія, опредѣленія на мѣста, службы и посвященія; у него монастыри и церковно-приходскія школы; у него постоянныя сношенія съ центральнымъ церковнымъ управленіемъ и другими вѣдомствами. А вѣдь онъ—тоже человѣкъ, къ тому же часто пожилой, уже утратившій энергію и силы. Поэтому по необходимости онъ и ограничивается бумажными отношеніями съ семинаріями и училищами, сплосъ и рядомъ отдаваясь въ нихъ въ руки своего секретаря. Въ этомъ также лежитъ главная причина, почему архіерей въ извѣстной степени довѣряетъ ректору и смотрителю. Не зная дѣйствительнаго хода жизни учебнаго заведенія, не зная часто лично многихъ не губернскихъ учителей, имѣя въ рукахъ только журналы (а извѣстно, что бумага все терпитъ), архіерей волей-неволей ищетъ себѣ око и ухо въ ректорѣ и смотрителѣ. Послѣдніе этимъ пользуются въ своихъ цѣляхъ. Семинаріи и губернскія училища еще удоставаются видѣть въ своихъ стѣнахъ владыку на часъ-на два, но уѣздныя училища часто по пяти и десяти лѣтъ не видятъ своего главнаго начальника и руководителя.

При такомъ положеніи вещей архіереи любятъ, чтобы въ школьномъ дѣлѣ у нихъ въ епархіяхъ все было гладко: ректора и смотрители усердствуютъ въ этомъ направленіи и всѣ школьныя аномаліи тщательно скрываются отъ владычнаго ока. Этимъ, несомнѣнно, объясняется тотъ фактъ, что въ нашей духовной школѣ иногда служатъ и благоденствуютъ такія лица, [для которыхъ давно уже должны быть заперты школьныя двери, и наоборотъ: лучшія силы бросаютъ службу, не желая оставаться въ безконтрольномъ подчиненіи у ректора и смотрителя и архіерейскаго секретаря.

Центральное управленіе сосредоточило въ своихъ рукахъ всю власть надъ духовно-учебными заведеніями. Учебный Комитетъ, являясь *de jure* совѣщательнымъ учрежденіемъ, *de facto* играетъ огромную роль въ духовно-школьномъ дѣлѣ.

Святѣйшій Синодъ, въ силу случайности своего состава, и Оберъ-Прокуроръ, въ виду крайняго обремененія его правами и обязанностями,—уступаютъ свою власть надъ духовно-учебными заведеніями Учебному Комитету. Послѣдній составляется изъ многихъ лицъ. Для характеристики его состава не будетъ далеко ходить за фактами: причисленный 8-го Ноября 1905 г. къ канцеляріи Оберъ-Прокурора, столоначальникъ канцеляріи Товарища Министра Финансовъ, за вѣдующаго отдѣломъ промышленности и торговли, въ чинѣ коллежскаго ассессора, откомандировалъ на другой день въ составъ Учебнаго Комитета въ качествѣ члена, посылаемаго на ревизіи духовно-учебныхъ заведеній.

Отсюда неудивительно, что духовная школа имѣетъ такой уставъ, какъ нынѣ дѣйствующій, такіе учебники, какъ Гомилетика, Оаворова,—Катихизисъ, митр. Филарета,—Географіи, Смирнова и Лебедева,—Нравственное богословіе, Солярскаго и проч.,—такіе устойчивыя программы и объяснительныя къ нимъ записки; что центральное управленіе издаетъ такіе шедевры педагогическихъ указаній, какъ напр: учитель, при назначеніи урока, долженъ обращать вниманіе на то, хорошо-ли понять онъ учениками, а при прохожденіи курса долженъ заботиться о томъ, чтобы пройденное сохранялось въ памяти учениковъ (уставы, стр. 27, 143); при спрашиваніи уроковъ онъ не долженъ выходить изъ предѣловъ хладнокровія и терпѣнія (уставъ, стр. 148); долженъ быть справедливымъ при оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ баллами (уставы стр. 70, 149) и т. п. Кто читалъ знаменитые циркуляры по духовно-учебному вѣдомству, тотъ, мы увѣрены,—рѣшительно заявлялъ, что потерялъ за этимъ чтеніемъ совершенно напрасно свое время.

Въ непосредственныя отношенія съ духовно-учебными заведеніями Комитетъ вступаетъ въ лицъ своихъ членовъ-ревизоровъ. Но, во-первыхъ, такихъ ревизоровъ очень мало въ сравненіи съ значительнымъ количествомъ духовно-учебныхъ заведеній, почему многія изъ нихъ ревизуются разъ въ десять лѣтъ; во-вторыхъ,—ревизоры слишкомъ поверхностно знакомятся и могутъ ознакомиться съ жизнью ревизуемаго заведенія. Имѣя необходимость въ теченіи недѣли-двухъ обревизовать пять-шесть семинарій и училищъ извѣстной епархіи, ревизоръ невольно опирается на отзывы

епархіальнаго архіерея, ректора и смотрителя и изъ этихъ ненадежныхъ рукъ черпаетъ данныя для своего отчета. Вѣдь для того, чтобы дать обстоятельный и вмѣстѣ правдивый отчетъ о состояніи учебнаго заведенія, необходимо внимательно изучить книгу журналовъ Правленія за нѣсколько лѣтъ, нѣсколько годичныхъ отчетовъ, журналы преподавателей, кондуитныя записи, побывать нѣсколько разъ на урокъ каждаго учителя, побесѣдовать съ нимъ по вопросамъ школьнаго дѣла, просидѣть нѣсколько вечеровъ въ занятныхъ общезитіяхъ, походить по квартирамъ, изучить экономическую часть и т. п. А на это нужно время и время; его-то и нѣтъ у ревизоровъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что истинный ревизоръ долженъ быть основательно знакомъ съ постановкой дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вообще, а для этого долженъ много лѣтъ послужить предвѣрительно въ нихъ.

Весьма важная функція Учебнаго Комитета — назначеніе на мѣста и перемѣщеніе изъ одного учебнаго заведенія въ другое—точно также поставлена крайне ненормально. Всѣ кандидаты академій для Учебнаго Комитета—*tabula rasa*. Изъ академическихъ документовъ Комитетъ лишь усматриваетъ, что кандидатъ имѣетъ такія-то отмѣтки по предметамъ и поведенію, но какую, въ дѣйствительности, умственную и нравственную силу онъ представляетъ, какія склонности имѣетъ, чего желаетъ—все это Учебному Комитету, лично не знающему кандидата, совершенно неизвѣстно. И вотъ Учебный Комитетъ распредѣляетъ кандидатовъ по учительскимъ мѣстамъ, руководясь отчасти протекціей, отчасти дипломомъ, а чаще всего—вдохновеніемъ свыше. Архангелецъ родомъ летитъ на Кавказъ, а южанинъ—въ тундры; съ береговъ Нѣмана на берега Амура; историкъ по склонностямъ—на гомилетику, литургику и практическое руководство; филологъ по специальности—на философскую кафедру и т. д. и т. д. Отсюда—крайнее недовольство очень многихъ изъ учителей и мѣстомъ, и предметомъ, ими занимаемыми. Не лучше происходитъ и съ перемѣщеніями изъ одного учебнаго заведенія въ другое... Семейныя связи, воспитаніе дѣтей, склонности къ извѣстной наукѣ побуждаютъ учителя искать перевода въ другой городъ, но эти исканія сплошь

и рядомъ бываютъ тщетны. Прошенія искателя лежатъ безъ движенія, личныя просьбы не ведутъ ни къ чему. Да и какъ можетъ учебный Комитетъ удовлетворить такую просьбу: преподавателя онъ не знаетъ и ему не вѣрить (прося, всѣде прикидываются крайне нуждающимися); да если удовлетворяютъ просьбы всѣхъ, то ему придется перетасовать весь педагогическій персоналъ Россіи, а потомъ—вѣдь Учебный Комитетъ самъ знаетъ, какое мѣсто является подходящимъ для каждаго...

И во всемъ этомъ съ неумолимой строгостью царить принципъ недоуверія. Центральное Управленіе никому не доуверяетъ. Оно не доуверяетъ даже духовенству и родителямъ. Такъ, напр., духовенству онъ внушаетъ соблюдать осмотрительность при избраніи изъ своей среды членовъ въ правленія и избирать только вполне достойныхъ по своему образованію и образу жизни (уставъ, стр. 35); оно поручаетъ епархіальнымъ архіереямъ „разъяснять родителямъ воспитывающихся въ духовныхъ школахъ дѣтей, что дѣти, воспитанныя въ христіанскомъ благочестіи, приносятъ родителямъ чистыя радости и святое утѣшеніе, а дѣти нравственно-неблагоустроенныя—скорбь и огорченія, и внушать имъ, чтобы они воспитывали дѣтей въ наказаніи и ученіи Господнемъ, строго наблюдая, чтобы въ дни праздниковъ они неопустительно присутствовали при богослуженіи церковномъ, помогали отцамъ своимъ въ исполненіи обязанностей церковнослуженія чрезъ прислуживаніе въ алтарѣ и клиросное чтеніе и пѣніе“ (уставъ, стр. 100); оно возлагаетъ на благочинныхъ надзоръ за учениками, пока послѣдніе находятся въ домахъ родителей (уставъ, стр. 69, 100); оно воспрещаетъ отпуска учениковъ въ дома родителей на первую недѣлю Великаго поста и требуетъ, чтобы ученики говѣли подъ надзоромъ инспекціи (уставъ, стр. 80, 154); оно воспрещаетъ временно удалять изъ школы сомнительнаго въ нравственномъ отношеніи ученика, признавая это „несогласнымъ съ здравымъ воспитаніемъ“, потому что „если ученикъ оказывается въ училищѣ плохимъ при бдительномъ надзорѣ, то въ домѣ родителей и родственниковъ, гдѣ часто некому и слѣдить за ученикомъ, онъ, кромѣ того, что отстанетъ отъ товарищей въ учебномъ отношеніи, можетъ совсѣмъ утратить навыкъ и способность (sic!) къ учебнымъ занятіямъ“

(циркуляръ, № 5, стр. 19) и т. д.—Дальше этого въ недо-
вѣріи, кажется, некуда и идти.

Но особенно рельефно принципъ недо-
вѣрія выразился въ
отношеніи нынѣ дѣйствующаго устава ко всему, такъ назы-
ваемому, „свѣтскому“. Заботливо охраняя учениковъ отъ воз-
дѣйствія свѣтской литературы, дѣйствующій уставъ тща-
тельно фильтруетъ составъ ученическихъ библіотекъ, выки-
дывая изъ нихъ всѣхъ авторовъ, которые могли бы, по его
мнѣнію, въ нежелательномъ мѣстѣ повліять на ученика.
Уставу недостаточно нашей общей строгой цензуры; онъ не
довѣряетъ направленію и компетентности правленія; коимъ
одобряются и допускаются въ библіотеки лишь Учебнымъ
Комитетомъ. Отсюда понятно, что для ученическихъ библіо-
текъ являются „запрещенными всѣ наши беллетристы-клас-
сики, не говоря уже о позднѣйшихъ художественныхъ пи-
сателяхъ“ (изъ письма ректора семинаріи въ „С.-Петербург-
скихъ Вѣдомостяхъ“. За 14 Марта 1905 г.). По мнѣнію Цен-
тральнаго Управленія, свѣтскія книги содѣйствуютъ больше
разсѣянію и даже развращенію мысли (Циркуляръ, № 10,
стр. 2). Даже слогъ свѣтскій и тотъ не пользуется распо-
ложеніемъ. Если рѣчь проповѣдника, поучаетъ одобренный
Учебнымъ Комитетомъ учебникъ по Гомилетикѣ прот. Озаво-
рова, приближается по внѣшности „къ слову свѣтскому“,
„не свято такое слово проповѣдническое. Хотябы въ немъ
и ничего не было противнаго смыслу ученія христіанскаго,
но ложно такое направленіе духа проповѣдническаго, и про-
повѣдь подобнаго рода можетъ быть иногда дѣйствительно
занимательной и снискать проповѣднику похвалу образован-
наго или ученаго человѣка (и за это—спасибо!), но никогда
не можетъ располагать душу къ христіанскому богомыслію“. Но
вѣдь Центральное Управленіе не имѣетъ физической
возможности цензурировать всѣ свѣтскія книги, что-бы вы-
брать изъ нихъ подходящія и невредныя для ученика ду-
ховной школы. Поэтому оно разсматриваетъ только тѣ книги,
которыя присылаютъ ему авторы и издатели (Циркуляръ
№ 18, стр. 1—2). А, ну, какъ послѣдніе не пришлютъ ни-
одной книги?!

Не довѣряя свѣтской литературѣ, дѣйствующій уставъ
безусловно не довѣряетъ и свѣтскимъ лицамъ, хотя бы и
изъ педагогическаго персонала духовной школы. Излюблен-

ными лицами являются для него духовныя, особенно монашествующія. Нашъ уставъ, кажется, совершенно закрыть бы доступъ къ педагогической службѣ всѣмъ свѣтскимъ лицамъ, если бы это было физически возможнымъ. Поставивъ своей задачей замѣщать должности начальствующихъ лицъ по возможности людьми, имѣющими монашескій и духовный санъ, уставъ создалъ крайне ненормальное положеніе вещей. Люди знаній, опыта, энергіи и усердія, люди искренно и глубоко религіозные, но свѣтскіе, въ сюртукахъ, не должны были имѣть претензіи на руководство въ духовной школѣ. Напротивъ, не имѣя знаній, опыта, любви къ педагогическому дѣлу, но имѣя на плечахъ рясу или клобукъ на головѣ, человѣкъ могъ смѣло рассчитывать и искать начальственной роли въ духовно-учебномъ заведеніи. Кромѣ вреда такое руководство, конечно, ничего не приноситъ: такіе начотчики совершенно не пользуются уваженіемъ и авторитетомъ среди корпораціи и учениковъ; не понимая педагогическаго дѣла, разстраиваютъ особенно воспитательную часть, возбуждаютъ противъ себя общее недовольство и т. д. Мы лично весьма убѣждены, что крайне ненормальное состояніе духовно-учебныхъ заведеній въ послѣднее время весьма многимъ обязано подобнымъ руководителямъ. Начальники—монахи смотрятъ на свои мѣста, какъ на станціи къ высшимъ званіямъ. Какой же интересъ, какая необходимость изучать станцію и заботиться о ней, если знаетъ, что годъ, два, много—три—и эту станцію придется покинуть безвозвратно.

Но духовные и монахи—наиболѣе удобные подчиненные для Центрального Управленія. Вѣдь духовное лицо находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ Синода и епархіальнаго архіерея. Развѣ можетъ оно думать идти противъ желаній послѣднихъ? Оно боится косога взгляда епархіальнаго архіерея, не говоря уже о Синодѣ. Вѣдь если его удалить съ духовно-учебной службы, куда онъ поидетъ. Не останется-ли оно во власти тогоже архіерея и Синода? Не связана-ли его судьба всецѣло съ благоволеніемъ духовныхъ владыкъ? Одинъ выходъ—разстриженіе, но на него рѣшится далеко не всякій, особенно съ чистой душой и идеальной настроенностью.

Еще сильнѣе закрѣпощенъ монахъ. Если онъ найдетъ

благоволеніе въ очахъ епархіальнаго архіерея и Синода, его судьба обезпечена. Но горе ему, если онъ пойдетъ противъ желаній „начальства“: удѣль его—монастырь, да и то изъ захудалыхъ.

Наконецъ, нынѣ дѣйствующій уставъ открыто выразилъ полное недовѣріе ко всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ вмѣстѣ. Своимъ стремленіемъ все регламентировать, для всего указать трафареты, не исключая и мелочныхъ, по существу, отношеній, онъ ясно показалъ, что не довѣряетъ способности правленія или ближайшаго начальства постановить рѣшеніе, согласное и съ здравымъ смысломъ, и съ здоровой педагогикой, и съ наличными обстоятельствами дѣла. Онъ ясно показалъ, что педагогическія знанія и опытъ—удѣль одного Центрального Управленія: вся же низшая братія (не выключая и архіереевъ) лишены этихъ знаній и этого опыта отъ природы.

Въ трогательномъ согласіи съ указаннымъ недовѣріемъ стоитъ другая отличительная черта дѣйствующаго устава—*полицейскій характеръ воспитанія*. Уже въ самыхъ названіяхъ должностей мы видѣли обнаруженіе послѣдняго: „инспекторъ“, „смотритель“, „надзиратель“—все это—любимыя дѣтища полицейскаго воспитанія. Наблюдать, смотрѣть, надзирать, внушать—вотъ термины, которыми изобилуетъ нашъ уставъ. Обязанности воспитателя сводятся къ тому, чтобы слѣдить, не нарушилъ-ли ученикъ какой-нибудь параграфъ устава или циркуляра, замѣтивши, наказать по всей строгости законовъ. До внутренняго міра ученика ему нѣтъ дѣла все его вниманіе поглощено внѣшнимъ надзоромъ. Не откажемъ себѣ въ удовольствіи выписать слѣдующую картинку воспитательной дѣятельности помощника инспектора семинаріи за одинъ день изъ весьма интересной книги: „Духовная школа“ (М. 1906 г., стр. 67 sqq).

„Рано утромъ, въ 6 часовъ, звенить звонокъ и помощникъ инспектора является въ спальни будить воспитанниковъ. Въ тѣсныхъ низкихъ спальняхъ комнатахъ стоитъ ужасная, удушающая атмосфера. Быстро проходитъ помощникъ инспектора среди тѣсно составленныхъ коекъ и однообразно выкрикиваетъ: „вставайте, вставайте“!.. Воспитанники лѣниво поднимаются, умываются и идутъ, по звонку на молитву. Помощникъ уже тамъ, въ церкви. Онъ слѣдитъ за поряд-

комъ, наблюдаетъ, чтобы молитва совершалась „благообразно и по чину“, стараясь въ тоже время улучшить минутку и глянуть по классамъ, корридорамъ и укромнымъ мѣстечкамъ съ цѣлью изловить „отгуливающихъ“ молитву... Послѣ молитвы семинаристы шумной, нестройной толпой идутъ пить чай. Помощникъ проходитъ по столовой и затѣмъ отправляется къ себѣ на квартиру. По дорогѣ онъ успѣваетъ сдѣлать внушенія опоздавшимъ на молитву и „пробрать“ кого слѣдуетъ изъ нарушителей семинарскаго порядка. Снова звонокъ,—начинаются уроки. Помощникъ инспектора переходитъ изъ класса въ классъ, „провѣряетъ“ воспитанниковъ по списку, отмѣчаетъ неявившихся. Пытливымъ взоромъ окидываетъ онъ классныя комнаты и дѣлаетъ дежурнымъ выговоры, если замѣтитъ неисправности. Начинаются „проборки“ за опозданіе въ классъ, за шумъ и громкій разговоръ, за переходъ съ мѣста на мѣсто... По классамъ идутъ преподаватели. Помощникъ направляется въ „инспекціонную“ комнату и тамъ заноситъ въ штрафной журналъ фамиліи и составъ преступленія замѣченныхъ нарушителей семинарской дисциплины. Помощникъ свободенъ, но свободенъ не на долго. Быстро пробѣгаютъ 60 минутъ урока. Снова перемѣна, снова „проборки“, болѣе или менѣе продолжительныя и строгія, со внесеніемъ въ штрафной журналъ и безъ онаго. Кончились уроки. Воспитанники идутъ обѣдать. Помощникъ въ столовой. Осанисто подходитъ онъ къ „пробному“ столу, съ озабоченнымъ видомъ съѣдаетъ по ложкѣ щей и каши и спѣшитъ наблюдать за порядкомъ. Зорко смотритъ онъ, чтобы въ постылый день воспитанникамъ не проносились контробандой каша со „скоромнаго стола“, за которымъ, по предписанію врача, обѣдаютъ слабые воспитанники. Обѣдъ кончается. Съ громомъ и ревомъ, по семинарски—„съ разносомъ“, пропѣта молитва. Помощника обступаютъ воспитанники, желающіе уйти изъ семинаріи. Онъ разспрашиваетъ каждого о цѣли отлучки, куда, зачѣмъ, входитъ въ оцѣнку мотивовъ и, если находитъ ихъ недостаточно убѣдительными, безапелляціонно налагаетъ свое „veto“. Послѣ обѣда наступаетъ самое глухое время, когда инспекція уходитъ на квартиры и воспитанники предоставлены самимъ себѣ. Но помощникъ инспектора, если онъ только ретивъ и предприимчивъ, не покоенъ. Онъ старается, по возможности внезапно,

войти въ столовую, съ быстротой коршуна налетѣть и „накрыть“ семинаристовъ за картами или въ моментъ истребленія водки. Однако, лишь только замѣтять духовные питомцы приближеніе помощника, какъ предупреждающее цыканье перекачивается съ конца на конецъ столовой, всѣ улики моментально исчезаютъ и помощника встрѣчаютъ самыя невинныя фізіономіи, которыя однако расплываются въ насмѣшливую улыбку за его спиной. Ушелъ помощникъ. Воспитанники довольны, смѣются, слышатся острія словечки. Наступаютъ вечернія занятія. Снова провѣрка.—„Тише сидите“!.. „Не разговаривать“!.. „Не сходите съ мѣстъ“!.. раздается повсюду голосъ помощника. Онъ важно проходитъ по корридорамъ, милостиво, благосклоннымъ кивкомъ головы, разрѣшаетъ желающимъ „выйти“ изъ класса и мимоходомъ заглядываетъ въ классныя комнаты черезъ стекла дверей. При его приближеніи все затихаетъ, лица каменѣютъ, жизнь останавливается въ своемъ движеніи и снова закипаетъ ключемъ по его уходѣ. Вторыя вечернія занятія. Утомленные въ продолженіе дня воспитанники не занимаются, разговариваютъ, сходятъ съ мѣстъ, смѣются, шумятъ... Для помощника настаетъ горячая работа,—нужно возстановить нарушенный порядокъ, прочесть цѣлую серію нотаций, записать виновныхъ въ журналъ... Ужинъ... Звонокъ на молитву... Воспитанники идутъ спать. Помощникъ проходитъ по спальнямъ и, утомленный, дѣлаетъ свои послѣдніе выговоры. Семинарія стихаетъ. Помощникъ идетъ по опустѣвшимъ корридорамъ, заглядываетъ во дворъ, въ садъ,—не крадется ли кто изъ семинаріи, но нѣтъ, все тихо и покойно. Помощникъ свободно, облегченно вздыхаетъ. Конченъ тяжелый трудовой день. За этотъ утомительный день своей „воспитательской“ службы онъ разбитъ физически и нравственно, но что сдѣлалъ онъ, воспитатель, для дѣла воспитанія?—Ничего. Онъ самымъ честнымъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ полицейскія обязанности, но для дѣла воспитанія ввѣренной ему семинаріи не сдѣлалъ ровно ничего... И сдѣлать не могъ. Семинаристы жили своей жизнью, а онъ, какъ мрачная тѣнь, ходилъ среди нихъ, чужой всѣмъ, докучалъ своей тоскливой моралью и однимъ появленіемъ отравлялъ и убивалъ юное веселье, молодую рѣзвость, громкій смѣхъ и разговоръ“.

Предъ нами правдивѣйшая, типичная и обычная картина полицейскаго воспитанія, созданнаго нынѣ дѣйствующимъ уставомъ. Добавлять что-либо къ ней мы считаемъ излишнимъ.

Особенной заботой духовной школы должно быть религиозное воспитаніе. Дѣйствующій уставъ сумѣлъ и этому свободному духовному общенію воспитанника съ Богомъ придать внѣшне-полицейскій характеръ. Уклоненіе отъ богослуженія, неблагоговѣнное стояніе въ церкви справедливо трактуются, какъ проступки „грубые и нетерпимые въ духовной школѣ“. Но для приученія учениковъ къ молитвѣ, для возбужденія въ нихъ религіознаго настроенія, уставъ запрещаетъ сокращать службы, вводитъ преждеосвященныя литургіи въ теченіе великаго поста, въ учебные дни, рекомендуетъ завести канонарховъ и т. п. При такой постановкѣ церковная служба обращается часто въ мученіе, въ томительное выстаиваніе въ храмѣ въ продолженіи 3—4 часовъ. Но и это было бы еще ничего, если бы не обстановки богослуженія въ нашихъ храмахъ. „Воспитанники выстраиваются правильными рядами. Всѣ наличныя силы воспитательнаго надзора мобилизуются и съ разныхъ сторонъ храма въ плотную массу воспитанниковъ вперяются очи воспитателей. Они смотрятъ и сбоку, и сзади, даже сверху—съ церковныхъ хоръ. Недреманное око подъ разными углами пронизываетъ насквозь духовнаго питомца, а онъ, утомленный, съ затекшими, онѣмѣвшими членами, съ тупой болью въ поясницѣ, стоитъ, переступая съ ноги на ногу, не смѣя шевельнуться, обернуться назадъ. Онъ чувствуетъ на своей спинѣ пристальный взглядъ воспитателя, который, скользя по рядамъ, ищетъ „неблагоговѣнно“ стоящихъ и недостаточно усердно кладущихъ поклоны. Этотъ гипнотизирующий взглядъ, кажется, пропитаетъ всю спину и дѣлаетъ положеніе невыносимымъ, ужаснымъ... Неудивительно если семинаристы со страшнымъ рискомъ „попасться“, съ неминуемой „тройкой поведенія“ въ перспективѣ, всетаки бѣгутъ отъ семинарской службы. „Каждый изъ насъ хорошо помнитъ, пишетъ въ открытомъ письмѣ ректору семинаріи одинъ священникъ,—а вамъ, о. ректоръ, въ практикѣ, вѣроятно, встрѣчались такіе факты, что семинаристъ битыхъ два часа отсиживаетъ въ пыльномъ и душномъ шкафу, или даже въ отхожемъ мѣстѣ,

лишь бы избавиться отъ обязанности идти ко всеобщей. Вотъ какъ дѣйствуетъ религіозность, вбиваемая палкой, а не прививаемая свободнымъ развитіемъ духа“ (Омскія епарх. вѣд. 1904 г. № 22) ¹⁾).

Подъ вліяніемъ такого направленія въ школьномъ воспитаніи ученики живутъ, развиваются и формируются сами по себѣ, независимо отъ воспитательнаго воздѣйствія начальства. Основной принципъ воспитанника—„какъ можно дальше отъ начальства“. Если полицейское воспитаніе и вліяетъ на учениковъ, то въ худшую сторону, развивая въ нихъ множество нежелательныхъ чертъ: ложь, скрытность, лицемеріе, склонность къ недоувѣрію и т. п. Вѣдь лучшимъ по поведенію въ глазахъ начальства очень и очень часто бываетъ не тотъ, кто дѣйствительно хорошъ, а тотъ, кто умѣетъ ловко изворачиваться, скрывать отъ начальственнаго ока свои крупныя и мелкія грѣхи.

А этой изворотливостью, этимъ умѣемъ скрыть свои промахи обладать воспитаннику весьма полезно. Вѣдь полицейскій судъ судить не по общему поведенію ученика, не по его настроенности и душевному направленію, а по отдѣльнымъ „проступкамъ“. Ученикъ можетъ вести себя прилично въ теченіи 29 дней, а на 30-мъ днѣ „попасться“ въ какомъ-нибудь преступленіи, напр., увлечется гуляньемъ и просрочить отпускъ,—кара слѣдуетъ немедленно и поведеніе ученика за *мѣсяцъ* обозначается балломъ 4 и даже 3. Ученикъ можетъ проучиться 5 лѣтъ въ семинаріи при хорошемъ поведеніи; достаточно ему забыться и дозволить себѣ знакомство съ крѣпкими напитками,—и онъ подлежитъ увольненію съ плохой отмѣткой по поведенію въ свидѣтельствѣ. При такой постановкѣ дѣла провести благополучно весь десятилѣтній курсъ духовной школы можетъ ученикъ или особенно благонравный, или научившійся изворотливости и выработавшій способность скрываться отъ бдительнаго ока начальства, или благодаря челоувѣчности своего ближайшаго начальства, скрывающаго отъ оглашенія извѣстные ему случаи неблагоповеденія ученика. При такой постановкѣ возникла также благопріятная почва для всякаго рода ошибокъ, недоразумѣній, печально отражающихся на томъ же злополучномъ воспитанникѣ духовной школы.

¹⁾ Духовная школа М. 1906 г., стр. 80—82.

Да и каково правовое положеніе воспитателей въ духовной школѣ?—Въ семинаріи воспитательная часть сосредоточена въ рукахъ инспектора, въ помощь которому даются помощники и надзиратели. Но инспекторъ въ своихъ воспитательныхъ дѣйствіяхъ по рукамъ связанъ ректоромъ. Послѣднему трудно руководить учителями, такъ какъ для этого требуется спеціальныя познанія; для полицейскаго же воспитанія не требуется особыхъ познаній: нужно только знать уставъ и циркуляры и въ предѣлахъ ихъ „предупреждать“ и „пресѣкать“.... Вотъ почему ректора и берутъ на себя руководство надъ инспекторами въ ихъ наблюденіяхъ за семинаристами: даютъ имъ указанія, сами дѣлаютъ распоряженія, даже отмѣняютъ инспекторскія и т. п. Поэтому инспектору благоразуміе подсказываетъ вести надзоръ соотвѣтственно мыслямъ и желаніямъ ректора. Помощники и надзиратели уже прямо находятся въ полномъ распоряженіи инспектора и служатъ для него глазами и ушами. О какой-либо самостоятельности этихъ низшихъ членовъ инспекціи не можетъ быть и рѣчи.—Въ училищахъ инспекторская часть возлагается на помощниковъ смотрителей и надзирателей. Положеніе помощника смотрителя хуже, чѣмъ—инспектора въ семинаріи. Помощникъ смотрителя по уставу обязанъ во всемъ слѣдовать указаніямъ смотрителя и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отдавать ему отчетъ. Такимъ образомъ по уставу онъ долженъ быть тѣнью и покорнѣйшимъ слугою своего смотрителя. Положеніе крайне щекотливое. Начинаетъ онъ дѣйствовать самостоятельно, смотритель „осаживаетъ“ его порывъ и даже отмѣняетъ его распоряженія. Начнетъ только исполнять волю смотрителя, опять—упрекъ: почему самъ не дѣйствуетъ, очевидно—лѣнится.... Заслуги его приписываются смотрителю, такъ какъ помощникъ во всемъ слѣдуетъ указаніямъ смотрителя; опущенія по службѣ приписываются ему, какъ неумѣлому исполнителю распоряженій смотрителя. Словомъ: перевернется — бьютъ и не повернется — бьютъ. Надзиратели училища находятся въ полномъ распоряженіи смотрителя и его помощника; имѣютъ кучу обязанностей, но правъ никакихъ, даже не участвуютъ въ педагогическихъ собраніяхъ правленія, какъ и надзиратели семинарій.

Полицейское воспитаніе вызвало къ жизни устройство

общежитій при духовныхъ школахъ въ томъ видѣ, какъ мы находимъ теперь. Основной идеей современнаго общежитія является удобство надзора за учениками. Поэтому все рассчитано на то, чтобы жизнь учениковъ протекала въ строго размѣренныхъ рамкахъ, опредѣленныхъ уставомъ. Полицейское воспитаніе требуетъ, чтобы свобода ученика была по возможности ограничена, потому что это ограниченіе и есть наиболѣе удобный способъ предупредить возникновеніе всякаго рода „проступковъ“. За „квартирными“ учениками трудно слѣдить; за „корпусными“ легко: они—въ кучѣ и съ трудомъ могутъ исчезать изъ поля зрѣнія начальническаго ока. „Квартирный“ ученикъ можетъ располагать свою жизнь болѣе или менѣе по своему усмотрѣнію, „корпусный“ живетъ безусловно по той указкѣ, какая дана ему начальствомъ и, слѣд., согласна съ дѣйствующими уставами и циркулярами. И вотъ „корпусный“ ученикъ встаетъ, когда ему прикажутъ; ѣстъ, не когда хочетъ, а когда назначено по расписанію; гуляетъ тоже въ опредѣленное время и только внутри семинарскаго или училищнаго двора, слѣд., подъ бдительнымъ окомъ начальства; занимается не столько, сколько ему нужно, а сколько положено по расписанію; онъ даже молится въ опредѣленное время по звонку. Кругомъ надзоръ и караульщики. Однообразіе одуряющее. „Всѣ долгіе часы своей однообразной жизни ученикъ пригвожденъ къ одному мѣсту. Тутъ онъ сидитъ утромъ при наставникѣ, здѣсь же готовитъ вечеромъ свои уроки. У него предъ глазами постоянно одни и тѣже парты, доски, стѣны. И все это громоздкое, неуклюжее, некрасивое..... Убійственное однообразіе окружающей обстановки и общая единообразно монотонная жизнь доводитъ до отчаянія. Ученикъ готовъ жертвовать чѣмъ угодно, только бы уйти отъ этихъ мертвыхъ казенныхъ стѣнъ. Онъ спѣшитъ гулять, идти куда-нибудь къ знакомымъ, наконецъ бѣжитъ въ разныя непозволительныя мѣста, въ трактиры, пивныя, чтобы хотя на минуту забыть свою казарменную жизнь“... (Церковный Вѣстникъ, 1905 г., № 36).

А сколько погибаетъ учениковъ изъ-за этихъ общежитій! Утомилось вниманіе ученика за вечерними занятіями, захотѣлось почитать книгу, поговорить, замурлыкать пѣсню, пройтись—все „проступки“. Опоздалъ на молитву—опять

„проступокъ“. Запѣлъ пѣсню—и еще „проступокъ“ и т. д. безъ конца. А баллы по поведенію все падаютъ, падаютъ и падаютъ; ученикъ въ глазахъ начальства становится недисциплинированнымъ; малѣйшій „проступокъ“ изъ крупныхъ и его удаляютъ изъ учебнаго заведенія.

Притомъ совершенно страннымъ представляется, что завѣдываніе общежитіями возложено на педагогическій персоналъ. Если справедливо, чтобы послѣдній наблюдалъ за экономическимъ бытомъ воспитанниковъ, то совершенно несправедливо, чтобы онъ завѣдывалъ имъ. Справедливость требуетъ, чтобы забота объ экономическомъ бытѣ учениковъ всецѣло лежала на родителяхъ. Въ настоящее время, при назначеніи на должности начальниковъ духовныхъ школъ, приходится искать не только хорошаго педагога, но вмѣстѣ и хорошаго хозяина, способнаго вести экономическое дѣло. Начальникъ можетъ быть хорошимъ педагогомъ, но плохимъ хозяиномъ, или наоборотъ—хорошимъ хозяиномъ, но плохимъ педагогомъ. Вслѣдствіе этого, очень часто страдаютъ или учебно-воспитательная, или экономическая часть. Быть хорошимъ педагогомъ и вмѣстѣ хорошимъ хозяиномъ очень трудно: педагогія и купля—сферы, общаго не имѣющія.

Крупнымъ также недостаткомъ дѣйствующаго устава является *недостаточно ясное сознаніе и проведеніе въ жизнь задачъ духовной школы*.—Дѣйствующій уставъ указываетъ, что „духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества къ служенію Православной Церкви“ (§ 1), а „духовныя училища суть учебно-воспитательныя заведенія для первоначальнаго образованія и подготовленія дѣтей къ служенію Православной Церкви“ (§ 1 устава училищъ). Здѣсь какъ будто бы опредѣленно указано, что задача семинарій и училищъ—подготовленіе священно-церковно-служителей, и что духовная школа никакихъ другихъ тенденцій не имѣетъ и другихъ задачъ не преслѣдуетъ. Между тѣмъ весь уставъ проникнутъ скрытой мыслью, что духовная школа имѣетъ задачей дать образованіе дѣтямъ духовенства, что это—школа—узко сословная, преслѣдующая интересы одного сословія въ ущербъ всѣмъ другимъ. Достаточно вспомнить напр., что, согласно § 2 устава училищъ и § 9 устава семинарій, духовенство при-

нимаетъ значительное участіе въ содержаніи духовно-учебныхъ заведеній; достаточно вспомнить знаменитый циркуляръ 1900 года (№ 20) о приѣмѣ „иносословныхъ“ на „свободныя“ вакансіи, „не свыше однако 10% всего количества поступающихъ въ училище“. Этимъ циркуляромъ доступъ иносословныхъ въ духовную школу настолько ограниченъ, что только лучшіе изъ нихъ по способностямъ могутъ рискнуть на поступленіе въ духовное училище. Это отсутствіе опредѣленнаго сознанія задачъ духовной школы создало послѣдней ложное положеніе и внесло массу ненормальностей въ ихъ строй. Достаточно указать на то, что и духовенство, и общество крайне недовольны духовной школой: первое, видя въ духовной школѣ—школу для образованія своихъ дѣтей,—настойчиво и справедливо требуетъ, чтобы изъ нея былъ выходъ въ университеты; второе, видя въ духовной школѣ—школу для приготовленія достойныхъ служителей Церкви, не менѣе настойчиво и справедливо требуетъ, чтобы доступъ въ нее былъ открытъ для дѣтей всѣхъ сословій.

Наконецъ, крупнымъ недостаткомъ дѣйствующаго устава было *отсутствіе правильнаго рѣшенія экономическаго вопроса* духовно-учебныхъ заведеній. Дѣйствующій уставъ рѣшительно забылъ, что духовная школа, какъ и всякая, должна *быть матеріально обезпечена*. Успѣшность школы весьма зависитъ отъ ея экономическаго благоустройства: пыльные, низкіе классы не способствуютъ, конечно, преподаванію; плохое питаніе въ общежитіяхъ, вопреки старинному правилу: *satis venter non studet libenter*, всегда тормозитъ успѣшное преподаваніе, вызывая массу заболѣваній среди учащихся; надзиратель за 20—25 руб. въ мѣсяцъ—плохой воспитатель; бібліотека на сборныя ученическія деньги—плохая бібліотека и т. д. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются духовныя училища. По уставу они получаютъ отъ Синода только небольшую сумму для жалованья учителямъ; львиная доля содержанія училища падаетъ на окружное духовенство. Послѣднее обязано: имѣть, содержать и поддерживать классныя помѣщенія и квартиры начальствующихъ лицъ, приобрѣтать классную мебель и учебныя пособія; содержать и пополнять фундаментальную и ученическую бібліотеки; имѣть больницу и врачебный персоналъ; имѣть

надзирателей за учениками; содержать учителя приготовительнаго класса; содержать церковь и священника и т. д.

Не позаботился дѣйствующій уставъ и о педагогическомъ персоналѣ духовныхъ школъ. Здѣсь онъ показалъ себя и скупымъ, и несправедливымъ хозяиномъ. Вполнѣ справедливо требуя отъ учителей дипломовъ высшихъ учебныхъ заведеній, уставъ поставилъ ихъ въ невозможное матеріальное положеніе. Онъ создалъ массу необезпеченныхъ учителей. Назначивъ за 12 нормальныхъ уроковъ по 62 р. 50 к.—75 р. за урокъ и за каждый дополнительный сверхъ 12-ти урокъ по 60 рублей, дѣйствующій уставъ создалъ каведры: 1) русскаго языка въ старшихъ классахъ при 9 недѣльных урокахъ съ жалованьемъ въ 750—900 руб.; 2) русскаго языка въ 1 классѣ при 10 урокахъ съ жалованьемъ въ 500 р. (могутъ занимать студенты семинаріи); 3) ариѳметики и географіи—17 ур.—1050—1200 руб.; 4) латинскаго языка—16 ур.—990—1140 руб.; 5) греческаго языка—16 ур.—990—1140 руб.; 6) Св. Писанія—13 ур.—810—960 руб.; 7) русской словесности и литературы—11 ур.—750—900 руб.; 8) математики и физики—12 ур.—750—900 руб.; 9) исторіи гражданской—9 ур.—750—900 руб.; 10) исторіи церковной—9 ур.—750—900 руб.; 11) Логикѣ, психологіи, философіи и дидактики—11 ур.—750—900 руб.; 12) гомилетики, литургики и практ. руководства—11 ур.—750—900 руб.; 13) основнаго, нравственнаго и догматическаго богословія—11 ур.—750—900 руб.; 14) исторіи и обличенія раскола и сектантства и облич. богословія—7 ур.—750—900 руб.; 15) церковнаго пѣнія въ училищѣ—8 ур.—280 р.; 16) церковнаго пѣнія въ семинаріи—6 ур.—210 руб.; 17) чистописанія—4 ур.—100 р.; 18) латинскаго языка въ семинаріи—14 ур.—870—1020 руб.; 19) греческаго языка въ семинаріи—14 ур.—870—1020 р. Изъ приведеннаго списка мы видимъ также, что трудъ учителя вознаграждается совершенно неравномѣрно: учитель, имѣющій, напр., 17 недѣльныхъ уроковъ, получаетъ въ среднемъ 61 р. 70 к.—70 р. 60 к. за урокъ, а учитель, имѣющій, напр., 9 недѣльныхъ уроковъ, получаетъ въ среднемъ 83 р. 33 к.—100 руб. за урокъ. Гдѣ же тутъ справедливая оцѣнка преподавательскаго труда? Желая улучшить положеніе учителей, дѣйствующій уставъ ввелъ такъ наз. „старшіе“ оклады, но положенія не улучшилъ, а внесъ только

еще большую несправедливость въ оцѣнку труда. Старшіе оклады получили только 20% учителей, а остальные оставлены съ надеждой на полученіе ихъ. Кромѣ того, представьте себѣ учителя, имѣющаго старшій окладъ и 9 недѣльных уроковъ! Вѣдь онъ получаетъ, такимъ образомъ, 166 р. 66 к. за урокъ противъ 70 р. 60 к. его несчастнаго собрата! Вѣдь это—почти въ два съ половиною раза больше!.. Мы не говоримъ уже о паріяхъ духовной школы: учителей изъ студентовъ семинарій. Допустивъ ихъ къ службѣ въ училищахъ, уставъ однако оцѣнилъ ихъ трудъ ниже, чѣмъ учителей-академистовъ, назначивъ только по 50 руб. за недѣльный урокъ. Оставивъ на службѣ тѣхъ изъ учителей-семинаристовъ, которые поступили еще при дѣйствіи устава 1867 г., дѣйствующій уставъ назначилъ имъ только около 40 руб. за недѣльный урокъ. Мы уже не говоримъ объ учителяхъ пѣнія съ платой по 35 руб. за недѣльный урокъ и учителяхъ чистописанія съ платой по 25 руб. за недѣльный урокъ.

Эта крайняя необезпеченность педагогическаго персонала духовной школы усиленно пожала кандидатовъ академій въ акцизъ, казенныя палаты, государственный контроль и прочія вѣдомства, гдѣ цѣнятъ дипломъ и трудъ и считаются съ потребностями культурно-развитаго чловѣка.

Другихъ недостатковъ дѣйствующаго устава мы не будемъ указывать; отчасти о нихъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, отчасти они уже не такъ существенны, чтобы говорить о нихъ особо. Но и то, что указали мы выше, намѣчаетъ правильный путь для предстоящей реформы духовной школы. Объ основныхъ пунктахъ этой реформы мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. Воскресенскій.